

не обладал божественной силой, он не был богом. Правда, нигде в ранних обличительных посланиях не говорится о подобных крайних выводах еретиков, но предположение об отрицании ими догмата о воплощении второго лица Троицы, совершенно непостижимого с «позиций разума», является вполне допустимым.

Через тридцать лет после поучения епископа Стефана против стригольников выступил московский митрополит Фотий. Четыре его послания (1416 г., 1425 г. и два послания 1427 г.), адресованные во Псков, приоткрывают до некоторой степени завесу над положительными взглядами новгородско-псковских еретиков. Из приводимых Фотием постановлений вселенских и поместных соборов против сепаратизма древних сектантов⁷⁵ нетрудно вывести заключение, что стригольники не отрицали церковной службы в принципе, но, отвергая недостойное, по их мнению, служение православных иерархов, хотели создать свою церковь, свое собрание верующих-единомышленников, воздвигнуть свой алтарь и производить свое служение, более достойное и более согласное с их мировоззрением. Поскольку они не признавали таинства евхаристии, можно предполагать, что служение их за «особым» алтарем состояло в совместных молитвах и, может быть, общих трапезах по образцу первоначальных христианских общин.

Последнее послание Фотия (от 23 сентября 1427 г.) — ответ на обращение псковичей, звучит особенно знаменательно: «А как ми пишете о тех помрачении, что как тие стригольници, отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе наричают: а понеже бо самых того истинных еуаггельских благовестей и преданей апостольских и отеческих не верующе, но како смеют, от земли к въздуху зряще, бога отца себе нарицающе, и како убо могут отца себе нарицати?».⁷⁶

Вникая в смысл слов обвинения Фотия, можно прийти к следующему: бог, которого призывали русские стригольники, «на небо взирающе», вовсе не был богом, признаваемым церковью — новозаветным богом-Отцом, первым лицом Троицы. Стригольники называли бога отцом, но совершенно в ином смысле — как отца самим себе — «на небо взирающе беху, тамо отца себе наричают», «от земли к въздуху зряще, бога отца себе нарицающе». Митрополит Фотий повторяет это знаменательное слово «себе», как бы желая подчеркнуть, что небесного бога стригольники не считали богом всех людей, всей твари, а только богом избранных самих себя — «себе же токмо правоверных мяще»,⁷⁷ как выразился патриарх Нил. Надо ли это понимать так, что еретики русские, подобно болгарским богомилам, делили все человеческое общество на две категории — праведных и спасаемых, «от земли взирающих на небо», к которым причисляли себя, и «сынов тьмы и погибели» — остальных членов церкви?

Нельзя не обратить внимания на почти дословное совпадение аргументации митрополита Фотия «еже бог наш на небеси и на земли»,⁷⁸ направленной против стригольников, которые «ни к божьим церквам, к небу земному не имуть быти прибегающе»,⁷⁹ с возражением болгарским богомилам Феодосия Тырновского, который на вопрос «откуда дерзаете глаголати два начала суть, одно убо благо, другое же зло?» — отвечал: «Тем же

⁷⁵ См.: там же, стр. 244—245.

⁷⁶ Там же, стр. 254.

⁷⁷ Там же, стр. 233.

⁷⁸ Там же, стр. 254.

⁷⁹ Там же, стр. 254.